

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1

Лебедев С. Д.¹
Шаповалова И. С.²
Рошупкина Н. А.³
Шкапенко А. А.⁴

**Социальная травма и ценности поколений:
Великая Отечественная война в исторической памяти
студенческой молодежи**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Международный Центр социологических исследований
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

¹*serg_ka2001-dar@mail.ru*

ORCID iD: 0000-0002-2545-4055

²*shapovalova@bsu.edu.ru*

ORCID iD: 0000-0002-2855-8968

³*roshchupkina@bsu.edu.ru*

⁴*1200799@bsu.edu.ru*

*Статья поступила 30 апреля 2020 г.; принята 5 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. Статья посвящена анализу избранных результатов исследования студенческой молодежи в рамках четвертого этапа межрегионального мониторинга Российского Общества Социологов «Что мы знаем о Великой Отечественной войне» (2005–2020 гг.). Историческая память о Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. выступает одним из важнейших оснований общенациональной российской идентичности, приобщение к которой является необходимой компонентой культурной и гражданской социализации молодых поколений. На основе положений социологических теорий коллективных идентичностей, культурной травмы и социальных настроений интерпретируются данные опроса 2020 студентов, представляющих все структурные подразделения университета с выборкой по полу и возрасту (март 2020 г.). Исследование выявило, что историческая память о Великой Отечественной войне сохраняет актуальный характер на уровне подавляющего большинства (80%); для большей части студентов (55% опрошенных) эта память носит ценностно-позитивный характер, связанный с идеалом подвига старших поколений и с социальным образцом их самоотверженности и любви к Родине. Эмоционально-ценностную основу памяти составляет глубокий комплекс переживаний утраты родных и близких из предшествующих поколений семьи (семейно-историческая составляющая) в сочетании с позитивным идеалом их подвига, самоотверженности и патриотизма (национальная составляющая). Нарративный уровень памяти представлен в целом преобладающими преемственными патриотическими оценками / интерпретациями ключевых событий Великой Отечественной войны, с относительно небольшим «удельным весом» альтернативных

представлений, при общем равнодушном фоне отношения к этим вопросам. Вместе с тем обращает на себя внимание значительное количество колеблющихся, тех, кто не в состоянии определиться с позицией по ним. Заметная, хотя и меньшая, часть опрошенного контингента сохраняет сакральное отношение к событиям и героям Великой Отечественной войны, что проявляется в оценках её противоречивого отображения в современном кинематографе и актов вандализма в отношении памятников и захоронений советских солдат – освободителей в ряде стран Европы.

Ключевые слова: историческая память; социальная травма; ценности; российский патриотизм; Великая Отечественная война; студенты; Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Благодарность. Российский фонд фундаментальных исследований, проект № 18-411-310009 «Оценка социализационных траекторий молодежи региона России в рискологической парадигме».

Информация для цитирования: Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рошчупкина Н. А., Шкапенко А. А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 3-18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1

Sergey D. Lebedev¹
Inna S. Shapovalova²
Natalya A. Roshchupkina³
Alena A. Shkapenko⁴

**Social trauma and values of generations:
The Great Patriotic War in the historical memory
of students**

Belgorod State National Research University
International Center for Sociological Research
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

¹*serg_ka2001-dar@mail.ru*

ORCID iD: 0000-0002-2545-4055

²*shapovalova@bsu.edu.ru*

ORCID iD: 0000-0002-2855-8968

³*roshchupkina@bsu.edu.ru*

⁴*1200799@bsu.edu.ru*

*Received on April 30, 2020; accepted on May 5, 2020
published on June 30, 2020*

Abstract. The article is devoted to the analysis of selected research results of BelSU students within the fourth stage of the interregional monitoring of the Russian Society of Sociologists “What we know about the Great Patriotic War” (2005-2020). The historical memory of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945 is one of the most important foundations of a nationwide Russian identity, familiarization with which is a necessary component of the cultural and civic socialization of young generations. Based on the provisions of sociological theories of collective identities, cultural trauma and social sentiment, the data of a survey of 2020 students representing all structural units of the university with a sample by gender and age were interpreted (March 2020). The study revealed that the historical memory of the Great Patriotic War remains relevant at the level of the vast majority (80%); for the majority of students (55% of respondents), this

memory is of a value-positive nature, associated with the ideal of the deed of the older generations and with the social model of their selflessness and love for the motherland. The emotional-value basis of memory is a deep complex of experiences of the loss of relatives and close ones from previous generations of the family (the family-historical component) in combination with the positive ideal of their heroism, dedication and patriotism (national component). The narrative level of memory is represented as a whole by the prevailing successive patriotic assessments / interpretations of key events of the Great Patriotic War, with a relatively small “specific gravity” of alternative representations, with a general not indifferent background of attitude to these issues. At the same time, a significant number of those who are hesitant are attracting attention, those who are not able to determine their position on them. A noticeable, albeit smaller, part of the contingent surveyed retains a sacred attitude to the events and heroes of the Great Patriotic War, which is manifested in assessments of its contradictory depiction in modern cinema and acts of vandalism regarding the monuments and graves of Soviet soldiers-liberators in several European countries.

Keywords: historical memory, social trauma, values, Russian patriotism, World War II, students, Belgorod State National Research University

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the RFBR grant, project № 18-411-310009 “Evaluation of socializing trajectories of youth in the Russian region in the risky paradigm”.

Information for citation: Lebedev, S. D., Shapovalova, I. S., Roshchupkina, N. A. and Shkapenko, A. A. (2020), “Social trauma and values of generations: The Great Patriotic War in the historical memory of students”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 3-18, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1

Введение (Introduction). «Память о Великой Отечественной войне, – отмечают ведущие российские социологи, – в настоящее время одно из немногих, объединяющих россиян исторических событий, поддерживающих дух нашего народа, его веру в свои силы» (Саралиева, Широкалова, Куконков, 2015: 9). По существу, на протяжении жизни уже четвертого поколения события и герои тех лет, ставшие общенациональными символами, образуют российский аналог гражданской религии – «земного» сакрального комплекса, устойчиво значимого в масштабах общества и поддерживаемого как официально, так и неофициально, на уровне повседневности большинства (Зыгмонт, 2016). Ценности и представления, составляющие «военный» пласт социально-исторической памяти, являют собой наиболее мощный и значимый культурный и духовный «проводник», обеспечивающий преемственность российских эпох и поколений середины XX – первой четверти

XXI столетий при множественных, всеобъемлющих и во многом катастрофических изменениях, пришедших на это время. Поэтому комплексное и систематическое изучение его состояния и динамики, роли и значимости, факторов его устойчивости и эволюции в сознании и повседневной жизни людей – прежде всего, социально активных и обладающих повышенным культурным капиталом – имеет исключительно важное значение, как диагностика одной из значимых систем жизнеобеспечения национального социально-культурного организма.

Особенную актуальность и злободневность этой теме сообщает современная глобальная практика «информационных войн», направленная на ослабление и разрушение субъектности национальных и других коллективных единств. Как отмечают исследователи, «морально-политическое единство советского народа», сложившееся во время войны и особенно хорошо заметное вдали от столиц, оказалось вовсе

не выдумкой» (Игнатъев, 2020: 282). Память о Великой Отечественной войне, сложившаяся в СССР в послевоенные десятилетия, подверглась особенно массированным и изошрённым атакам, которые возобновляются в последние годы. Атакуя образ Великой Отечественной войны, «бьют по связям, соединяющим людей уважением к этому символу. Но одновременно – и по нынешнему государству, которое медленно выходит из болезни 90-х годов» (Карамурза, 2007). Главным «полем сражений» здесь выступает сознание молодого поколения, в особенности образованной и активной молодёжи, основную массу которой представляет студенчество. Диагностика его отношения к этой войне выявляет важнейший показатель состояния её нравственного сознания и в целом – вектор ценностной эволюции российской нации.

Наконец, следует подчеркнуть, что в этой связи особую актуальность имеет и региональный аспект ситуации. И. А. Халий, специально исследовавшая данный вопрос, отмечает, что «особым фактором морально-психологического климата в приграничных регионах выступает патриотизм в его различных интерпретациях» (Халий, 2014: 31). Белгородская область выступает классическим приграничным (фронтирным) российским регионом, исторически сформировавшимся именно в этом качестве; в последние же годы, как подчёркивает Э. К. Бийжанова, «в связи с изменением политической ситуации актуальность установки на открытость границ ... понижается, а барьерная функция возрастает» (Бийжанова, 2014: 13). Не менее важным обстоятельством является богатая военная история региона и его административного центра – г. Белгорода, заслуженно носящего звание «Города воинской славы», которая традиционно является здесь одним из «краеугольных камней» патриотического воспитания и формирования региональной идентичности. Всё это делает белгородскую молодежь и, в частности, её студенческую часть, в известном смысле контроль-

ной группой, состояние и динамика исторической памяти которой о Великой Отечественной войне особенно показательны на фоне молодёжи большинства других российских регионов.

Методология исследования (Methodology and methods). В качестве теоретико-методологической «рамки» интерпретации полученных количественных данных в статье применены:

1) Положения социально-психологической теории коллективных идентичностей (social identity), восходящей к Э. Дюркгейму (Tajfel, Turner, 1986); коллективная идентичность рассматривается как «психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе / общности», включая национальное сообщество (Крупкин, 2010: 122). В структуре психосоциального комплекса коллективной идентичности необходимо присутствуют «священные» (сакральные) переживания, в число которых обязательно входят: «1) негодование от профанации считаемого святым / священным; 2) чувство благостности / благодати вследствие удачно совершённого сакрального ритуала; 3) аффекты от того, что обозначается словами «осквернение» / «скверна», переживание которых приводит к «очищению» (Крупкин, Лебедев, 2013: 45).

2) Положения культурсоциологической теории «культурной травмы» Дж. Александера, согласно которым травматические для общества события прошлого являются значимым моментом формирования его коллективной идентичности. Культурные травмы «позволяют членам более широких групп общности разделить боль других, что расширяет область социального понимания и сочувствия, открывает возможности для новых форм социальной инклюзии» (Александр, 2012: 34). Последнее предполагает «пытливое повторное воспоминание коллективного прошлого, ведь память не только социальна и обладает текучестью, она еще и глубинно связана с ощущением «Я» в настоящем» (Александр, 2012: 32). Превращение воспоминаний

о травматических событиях в обыденность имеет «глубочайшие нормативные последствия для хода социальной жизни»: перестроенная на их основе коллективная идентичность даже в рутинизированной форме «остается основополагающим ресурсом для решения будущих социальных проблем и нарушений в коллективном сознании» (Александр, 2012: 34).

3) Положения социологической концепции социальных настроений Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, в соответствии с которыми социальное (умо) настроение есть «целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов» (Тощенко, Харченко, 1996: 21). Исходный уровень социального настроения – социальное самочувствие – предполагает «влияние исторической памяти, что, как показывает реальная жизнь, в современных условиях приобретает решающий характер для определения соответствующего поведения людей» (Тощенко, Харченко, 1996: 28).

В соответствии с указанными теоретическими моментами, историческая память о Великой Отечественной войне рассматривается как одно из важнейших оснований общенациональной российской идентичности, приобщение к которой является необходимой компонентой культурной и гражданской социализации молодых поколений. Культурно-символическим «механизмом» становления идентичности в этом её плане выступает вошедшее в традицию нескольких поколений переживание общенациональной (и общечеловеческой) травмы, связанной с огромными жертвами, понесёнными советским – российским национальным сообществом в этой войне ради Победы. Результатом и манифестацией этого коллективного переживания, подлежащей эмпирическому изучению,

становятся соответствующие социальные настроения, делающие «военную» историческую память актуальным ценностно-нормативным основанием социальной жизни. В самом обобщённом виде их можно расположить на шкале между двумя полюсами социальных умонастроений: патриотизма и «непатриотизма», который, по преобладающему мнению, молодёжи региона, есть «в первую очередь отсутствие национального самосознания и проявление презрения к собственной нации (35,1%); во-вторых – потребительское отношение к Родине (34,3%); и в-третьих – нежелание брать ответственность за будущее своей страны (29,5%)» (Шаповалова 2016: 52). Соответственно, настроение патриотизма характеризуется противоположными (контрадикторными) установками. Ценностное отношение к Великой Отечественной войне концентрирует в себе все эти смысловые измерения, выступая своего рода эталоном советского / российского патриотизма.

Мы сосредоточимся на ряде вопросов, изученных в начале текущего года в ходе четвёртого этапа межрегионального мониторинга «Что мы знаем о Великой Отечественной войне» Российского общества социологов (РОС) (Война была позавчера 2015) на региональной подвыборке студенческой молодёжи, представленной студентами НИУ «БелГУ». В феврале 2020 г. по опроснику РОС Международным Центром социологических исследований НИУ «БелГУ» был проведён мониторинг в масштабах университета, являющегося ведущим высшим учебным заведением Белгородской области. Количество опрошенных составило 2020 человек, представляющих все структурные подразделения (институты и факультеты) университета. Выборка включила 75,3% девушек и 24,7% молодых людей. Распределение по возрасту показало 27,8% 18-летних опрошенных; 24,1% 19-летних; 15,7% 20-летних и 10,3% 21-летних; те, кто не достиг 18 лет, составили 11,1%; старше 21 года – 6,6%; ещё 4,5% не указали свой возраст.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Из всего, довольно обширного, списка вопросов анкеты мы остановимся на тех, которые характеризуют переживание и рефлексии студенческой молодёжью исторической памяти, связанной с событиями Великой Отечественной войны. Методологически это соответствует базовому уровню соответ-

ствующего социального настроения – социальному самочувствию, куда входят: актуальное знание, эмоции, чувства, историческая память и общественное мнение (Тощенко, Харченко 1996: 32). Внутри него можно выделить подуровни: а) общего фона эмоционально-ценностного отношения и б) нарратива – то есть оценок / интерпретаций конкретных социально-исторических фактов. Представим их ниже.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос: «Приближается 75-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у вас эта дата?»

Table 1

Answers to the question: “The 75th anniversary of the Victory is approaching. What thoughts and feelings does this date evoke for you?”

Ответы	%
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений	55,2
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников	25,1
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее за- слоняют иные события и проблемы	13,5
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны стано- вятся чуждыми значительной части молодежи	6,2
Всего	100,0

Эмоционально-ценностное отношение студентов к Победе в Великой Отечественной войне как историческому событию характеризуют ответы на вопрос об их мыслях и чувствах в связи с наступающим 75-летним юбилеем этого события. Предполагаемые ответы сформулированы так, что отображают не столько непосредственную саморефлексию респондента, сколько его личное опытное мнение о преобладающих тематических умонастроениях в среде сверстников. В вопросе и ответах заложены две смысловые интенции: объективная – факт сохранения или размывания исторической памяти о той войне, и субъективная – факт её «отнесения к ценности», связи с социальным идеалом или, напротив, ценностного отчуждения (см. Таблицу 1).

Здесь обращает на себя внимание последовательная регрессия распределения ответов, когда количество выбравших их от версии к версии снижается вдвое. Показательно, что более половины опрошенных

разделяют ставшую традиционной идеологему подвига старших поколений, ставшего непреходящим примером для их потомков, вобравшую в себя фундаментальные ценности Родины, нации и живой связи времён. Победа в Великой Отечественной войне остаётся для них наиболее близким и ярким символом самоотверженности и любви к Родине, характеризовавших многие поколения предков в героической и трагической российской истории. Эти человеческие качества, без которых не было бы Победы, во многом сохраняют в их глазах характер высокого идеала и социального образца. Ещё четверть респондентов отмечает, хотя и безоценочно, факт сохранения памяти о минувшей войне в сознании их поколения. Только около 14% отмечают, что эта память деактуализируется, уходит на задний план в связи с новыми, более современными событиями и проблемами, и всего 6% полагают, что героизм и самопожертвование недавних предков стали чужды молодёжи в её

значительной части. Общее соотношение оценок показывает картину 80%/20%: именно, с подавляющим перевесом доминирует мнение о сохранении молодёжью памяти о Великой Отечественной войне, с существенным преобладанием позитивно-ценностно «заряженных» её оценок, связанных с идеалом подвига старших поколений, которые в своей самоотверженности и

любви к Родине видятся большинством в качестве социального образца для молодых поколений. Напротив, мнение о ценностном отчуждении существенной части молодёжи от этой памяти представлено довольно незначительным меньшинством (6,2% опрошенных).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Согласны ли вы с мнением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно?»»

Table 2

Answers to the question: “Do you agree with the opinion “The Great Patriotic War was a long time ago, I’m not interested in this?”

Ответы	%
Не согласен	72,2
Не очень согласен	22,9
Согласен	4,9
Всего	100,0

Данный вопрос проверяется и уточняется другим, уже персонально направленным, вопросом, предполагающим самооценку личного интереса респондента к теме Великой Отечественной войны (см. Таблицу 2).

Ответы выявляют почти $\frac{3}{4}$ опрошенных, для которых память о Великой Отечественной войне остаётся лично актуальной, и всего около 5% тех, для кого она не интересна за давностью лет. Ещё порядка 25% занимают промежуточную позицию: не соглашаясь с тем, что Великая Отечественная война им неинтересна, они, тем не менее, предпочли вариант «не очень согласен». Из этого следует, что больший или меньший интерес к событиям тех лет присутствует у

подавляющего большинства (95%) респондентов, что говорит в целом о субъективной серьёзности и искренности ответов на предыдущий вопрос. Война 1941-1945 гг. продолжает жить в сознании и памяти студентов университета, как социально и персонально значимый исторический факт.

Конкретное смысловое наполнение этого исторического факта тесно связано с контекстами родовой, семейной истории, семейной памяти. Великая Отечественная для сегодняшнего студента НИУ «БелГУ» – не абстрактное историческое или идеологическое понятие, она чаще всего наполнена глубоко личным смыслом. Характер этого смысла отчасти проясняют ответы на следующий вопрос (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос: «Чем для вашей семьи является «День Победы?»»

Table 3

Answers to the question: “What is Victory Day for your family?”

Ответы	%
«Праздник со слезами на глазах»	44,1
День памяти о родных, прошедших войну	42,7
День гордости за СССР	8,0
Просто выходной	3,9
Всего	100,0

«Праздник со слезами на глазах» – словесная формула преодоленной великой беды и великой жертвы, на языке современной культурсоциологии – «травмы», пережитой всем социетальным сообществом и практически каждой семьей в стране в военное время. 44% опрошенных выбрали именно этот ответ. Для почти такого же количества опрошенных это, прежде всего, день памяти о родных людях, вернувшихся и не вернувшихся с этой войны. Только лишь 8%, осмысливая сущность этого праздника, сделали акцент на моменте гордости за СССР, вынесшем на себе основную тяжесть войны и Победы. И всего около 4% – что сопоставимо со статистической погрешностью – тех опрошенных, кто относится к 9 Мая просто как к выходному дню, субъективно полностью дистанцируясь от всенародной исторической памяти.

Как можно видеть из этих данных, смыслы праздника Победы, прежде всего, глубоко укоренены в повседневности респондентов, в их, прежде всего, семейной истории и памяти. Государственно-идеологический момент здесь отступает на задний план, уступая семейно-личностному. И на этом уровне он связан, прежде всего, с чувствами памяти о конкретных близких людях, прошедших ту войну, и скорби по ним. Момент гордости за страну, победившую нацизм, здесь тоже присутствует, но как «верхушка айсберга», скрытая часть которого – интимно-семейная, личностная, печальная – превосходит её на порядок¹. В этой связи утверждения некоторых исследователей о том, что «Этот день не стал и днем поминовения, печальной памяти о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях», якобы теряющихся в тени ура-патриотического празднования военной победы, представляются как минимум спорными (Гудков, 1997: 13).

Исходя из сказанного, можно предварительно констатировать, что наиболее

глубокий смыслообразующий пласт традиционной для нашего общества исторической памяти о Великой Отечественной войне, связанный с чувствами, эмоциями и базовыми ценностными ориентациями, у студентов ведущего белгородского вуза в целом сохраняется. Однако это не означает, что проблема размытия и трансформации этой памяти снята: она, с большой вероятностью, проявляется на более поверхностном и рефлектируемом уровне их сознания, связанном с оценками и интерпретациями конкретных исторических событий. Именно эти последние, охранявшиеся прежде на уровне государственной идеологии, подверглись в последние 30 с лишним лет интенсивной проблематизации и размытию в медиасреде и, как следствие, в российском массовом сознании. Как отмечает О. Ю. Малинова, здесь «сложной проблемой оказывается сопряжение символа Великой Победы с нарративом о советском прошлом: если относительно значимости первого существует более или менее устойчивый консенсус, то по поводу содержания второго имеет место борьба диаметрально противоположных позиций» (Малинова, 2015: 24).

Общим, «генеральным» вопросом, характеризующим такой нарратив, представляется оценка вклада различных стран антигитлеровской коалиции в победу над фашизмом (см. Таблицу 4).

Как можно видеть, патриотический консенсус, в данном вопросе вполне совпадающий с реальным историческим фактом, сохраняется и здесь: свыше 90% опрошенных оценивают вклад Советского Союза в Победу как «Значительный» (максимальный показатель по шкале). Соответствующая оценка аналогичного вклада других стран-союзников – США, Англии и Франции – уступает в 4.5–6 раз. Последний оценивается респондентами преимущественно как «Не очень значительный» (порядка 45%

¹ Отчасти такой характер доминирующего умонастроения опрошенного контингента связан с преобладанием в его составе респондентов женского пола (3/1). Однако значительная часть респондентов мужского пола разделяет соответствующие оценки.

опрошенных в каждом случае). Обращает на себя внимание большое количество затруднившихся ответить – от 21 до 24 % в случае западных стран и всего 6,3% – при-

менительно к СССР. Решающий вклад Советского Союза в Победу отрицается только 1,5% опрошенных, а вызывает какие-либо сомнения в целом у 7,8% респондентов.

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете вклад в победу над фашизмом?»

Table 4

Answers to the question: “How do you assess the contribution to the victory over fascism?”

Страна	Оценка вклада в победу			
	значительный	не очень значительный	незначительный	затрудняюсь ответить
СССР	92,2	1,4	0,1	6,3
США	21,3	44,9	12,8	21,0
Англии	21,0	46,8	4,7	22,6
Франции	15,9	43,9	15,0	24,1

Исходя из этого, мы можем констатировать: а) сохранение в сознании студентов университета преимущества понимания роли нашей страны в победе над фашистской Германией и её союзниками, и б) сохранение консенсуса с официальной государственной позицией в данном ключевом вопросе на уровне подавляющего большинства опрошенных студентов университета.

Далее респондентам предлагалась серия однотипных вопросов из пяти позиций, значимых для отечественного нарратива Великой Отечественной войны и подвергаемых в последние годы наиболее активному «пересмотру» в ходе «трансформации режимов памяти в Европе» (Малинова, 2015: 18). Вопросы ставились в форме шкалы согласия / несогласия с узловыми концептуальными тезисами, сформулированными в «пересмотренном», отрицающем положения советско-российского нарратива, ключе. И здесь выявились уже не столь интегрированные тенденции оценок / интерпретаций (см. табл. 5).

Тезис «В войне виновны и Германия, и СССР» набрал больше всего голосов категорически несогласных с ним: вариант «Отвергаю» выбрали 34,1% респондентов. Отметим, что это – максимальное число опрошенных, решительно отвергающих «новый взгляд» на военную историю, по

всем пяти вопросам серии. Сопоставимое количество – 29,7% выбрали вариант «Спорно, но обсуждаемо». 10,6% ответили, что с этим «Можно согласиться». Вариант «Мне всё равно» отметили 2,1%. И почти четверть – 23,5% – затруднились с ответом.

На втором месте по числу категорически несогласных – тезис «Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декommунизация (борьба с наследием СССР)»; его решительно отвергают 31,8%. Считают, что это «Спорно, но обсуждаемо» 17,1%, и практически столько же (16,9%) склонны с этой трактовкой согласиться. Вариант «Мне всё равно» отметили 2,5%; затруднились ответить почти треть – 31,7% опрошенных.

Третье место по количеству категорически несогласных занял тезис «Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года НЕ было неожиданным». Решительно отвергают это утверждение 27,7% опрошенных, но практически столько же – 27,0% – считают его «спорным, но обсуждаемым», и почти столько же (23,5%) склонны с ним согласиться. Вариант «Мне всё равно» отметили 1,7%; затруднились с ответом на данный вопрос 1/5 – ровно 20,0% от всех опрошенных.

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос: «Сегодня есть много мнений о событиях, связанных со Второй Мировой войной. Какие вы разделяете?»

Table 5

Answers to the question: “Today, there are many opinions about events related to the Second World War. Which ones do you share?”

	Отвергаю, %	Спорно, но обсуждается, %	Можно согласиться, %	Мне всё равно, %	Затрудняюсь ответить, %
В войне виновны и Германия, и СССР	34,1	29,7	10,6	2,1	23,5
Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года НЕ было неожиданным	27,7	27,0	23,5	1,7	20,0
Помощь фашистам («Лесные братья», «Бандеровцы» и т.д.) можно оправдать борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики и др.	27,3	22,7	7,9	2,9	39,1
Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944-1945 году было оккупацией	23,8	21,0	6,7	3,1	45,4
Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декommунизация (борьба с наследием СССР)	31,8	17,1	16,9	2,5	31,7
<i>Медиана</i>	28,9	23,5	13,1	2,26	28,3

На четвертом месте по числу категорически не согласных – тезис «Помощь фашистам («Лесные братья», «Бандеровцы» и т.д.) можно оправдать борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики и др.». Решительно отвергают подобные заявления 27,3% опрошенных. Считают это положение «спорным, но обсуждаемым» 22,7%; склонны с ним согласиться всего 7,9%. Вариант «Мне всё равно» отметили 2,9%; затруднились с ответом на данный вопрос почти 40% (39,1%) от числа респондентов.

Наконец, меньше всего категорически несогласных с ним выявил тезис «Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944-1945 году было оккупацией». Тем не менее, решительно его отвергают почти четверть – 23,8% опрошенных. Почти столько же – 21,0% – склонны считать, что это высказывание «Спорно, но обсуждаемо». Однако при этом согласиться с данной позицией сочли возможным только 6,7% респондентов. Максимальные значения по всем пяти обсуждаемым тезисам здесь набрали позиции «Мне всё равно» (3,1%) и «Затрудняюсь ответить» (45,4%).

В целом, ответы респондентов на все вопросы данного ряда характеризуют очень низкие показатели равнодушия к ним (от 1,7% до 3,1% – что находится в пределах статистической погрешности). Вместе с тем все они выявили значительную долю затруднившихся ответить – от 1/5 (20%) до почти половины выборки (45,4%). Первое говорит о высокой актуальности затронутых проблем для контингента опрошенных; второе – о высокой степени неопределённости, колебаниях значительной части опрошенного контингента в оценках / интерпретациях ключевых моментов исторической памяти о Великой Отечественной войне.

В том, что касается содержания соответствующих оценок / интерпретаций, обращает на себя внимание то, что наиболее «жёсткие» антипатриотические тезисы – об оправданности помощи нацистам борьбой за независимость, об оккупационном характере освобождения Прибалтики и в целом Восточной Европы Красной Армией, о виновности в развязывании войны как Германии, так и СССР – набрали минимальное количество склонных с ними согласиться (от 6,7% до 10,6%). Чаше респонденты склонны соглашаться с относительно «мягкими» версиями пересмотра истории: «неожиданностью» нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года и «декоммунизационным» характером сноса памятников и осквернения могил советским воинам-освободителям в ряде стран Европы (23,5% и 16,9%, соответственно). Относительную «мягкость», не позволяющую однозначно толковать соответствующие утверждения как антисоветские и антироссийские, сообщает им сложность семантических контекстов формулировок: затруднительность прямых и однозначных «черно-белых» выводов в первом случае и смысловая многомерность понятия «декоммунизации» во втором¹. Тем не менее, число согласных пе-

ресмотреть историю Великой Отечественной войны и в этих вопросах составило меньшинство опрошенных. От 1/4 до 1/3 части отстаивают положения традиционной отечественной версии военной истории и категорически не согласны с попытками их пересмотра; от 1/6 до почти 1/3 – готовы спорить и обсуждать.

Здесь, в свою очередь, можно строить различные гипотезы по поводу того, к какой версии оценки / интерпретации указанных событий склонятся те, кто выбрал ответ «Спорно, но обсуждаемо». С нашей точки зрения, полагать, что эта позиция ближе к принимающей «пересмотр истории», чем к отрицающей его, нет никаких оснований. Сама по себе готовность обсуждать спорные тезисы говорит, скорее, о предрасположенности к дискуссии, диалогу, предполагающему аргументированное отстаивание своей точки зрения, нежели чем о тенденции согласиться с ревизией традиционной концепции. Поэтому сам по себе высокий «удельный вес» выбравших указанный ответ ещё не свидетельствует о размывании исторической памяти опрошенных в части Великой Отечественной войны; объективно он только констатирует проявление ими реакции «иммунитета» на вызов «альтернативной истории». Большой тревоги в этой связи, на наш взгляд, заслуживает значительное количество затруднившихся определить свою позицию, в особенности же ответить на два наиболее острых вопроса: об оправданности помощи нацистам борьбой за независимость (39,1%) и об оккупационном характере освобождения Красной Армией в 1944-45 гг. Прибалтики и в целом Восточной Европы (45,4%). Именно затруднившиеся – колеблющиеся в выборе точки зрения – представляются нам наиболее уязвимой частью студенческой (и любой другой) аудитории в отношении предпринима-

¹ Из «ожиданности» нападения Германии на СССР, на наш взгляд, не вытекает никаких выводов, ставящих под сомнение подвиг советского народа и Красной Армии, не говоря уже о самой победе в Великой Отечественной и Второй Мировой войнах. Что касается «декоммунизации», то организованный вандализм не столько обеляется такого рода аргументами, сколько, напротив, сам дискредитирует любые идеологемы, с ним связанные.

емых со стороны атак на национальную историческую память о Великой Отечественной войне.

Вопросом для проверки и уточнения отношения респондентов к пересмотру военной истории может служить специальный вопрос на отношение респондентов к антикультурной практике сноса памятников советским воинам-освободителям, получившей распространение в ряде европейских стран в последнее десятилетие. Мнения опрошенных распределились следующим образом (см. Таблицу 6).

Здесь показательна слабо выраженная тенденция к тому, чтобы возлагать за эти события ответственность на свою страну – СССР, как в военное время (9,0%), так и тем более в послевоенное (всего 2,9%). Такая

ответственность почти $\frac{3}{4}$ опрошенных «по умолчанию» делегируется тем странам (государствам и общественности), в которых происходит снос памятников советским воинам. Мнения разделились преимущественно по вопросу о праве их поступать подобным образом. Относительное большинство – 41,2% считают, что право поступать так на своей территории у этих стран есть, а у России, следовательно, недостаточно оснований вмешиваться в их внутренние дела. Но сопоставимое количество – 31,4% полагают правомерным активное давление в форме сокращения сотрудничества с такими странами. Равнодушна к вопросу оказалась примерно 1/10 часть, и 5,9% респондентов дали свои варианты ответов.

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос: «В настоящее время в странах Запада сносят памятники Советским воинам. Как должна, по вашему мнению, реагировать на это Россия?»

Table 6

Answers to the question: “At present, monuments to Soviet soldiers are being demolished in Western countries. How should, in your opinion, Russia respond to this?”

Мнение	%
Эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться	41,2
Нужно сокращать сотрудничество с этими странами	31,4
Мне лично все равно	9,6
За последние годы открыты архивы, стали известны многие факты, которые заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и послевоенное время	9,0
Это расплата за ошибки СССР в послевоенное время	2,9
Другое	5,9
Всего	100,0

Как следствие, исходя из контекста вопроса и заданных вариантов ответов, позиция, которую можно отнести к «антипатриотической» (принятие пересмотра роли СССР в войне и в послевоенное время), характеризует лишь относительно небольшое количество опрошенных студентов (порядка 10%), и примерно столько же высказали своё равнодушие к проблеме происходящего за рубежом осквернения святынь. Напротив, порядка 1/3 ради их защиты готовы поддержать сокращение сотрудничества с теми странами, в которых

оно допущено, и можно с довольно большой вероятностью предположить, что ещё порядка 40% удерживает от этого только уважение к государственному суверенитету в международном праве.

Ещё одним весьма важным и показательным моментом, характеризующим социальные настроения студентов в части исторической памяти о Великой Отечественной войне, выступает их отношение к отображению её событий в массовой культуре – прежде всего, в современной кино- и телепродукции на военную тему. Здесь нужно

отметить, что в массе своей опрошенные компетентны судить о последней в сравнении с советской «военной» кинематографией: поставленные в советское время

фильмы и сериалы об этой войне смотрели 74,5%, а современные – 69,3% респондентов. Ответы на соответствующий вопрос приведены в Таблице 7.

Таблица 7

Ответы респондентов на вопрос: «С каким суждением о современных фильмах и сериалах вы, скорее всего, согласитесь?»

Table 7

Answers to the question: “What judgment about modern films and TV shows will you most likely agree with?”

Мнение	%
Очевидно, была и такая война, и новые поколения должны знать всю правду.	60,7
Наконец-то перестали приукрашивать события, участников Великой Отечественной войны.	16,5
Война и ее участники изображаются скорее негативно, что, по-моему, подрывает уважение к людям, прошедшим войну.	13,0
Другое	9,8
Всего	100,0

Такое соотношение ответов даёт абсолютное большинство – почти 61% респондентов, согласных или готовых согласиться с той новой картинкой Великой Отечественной войны, которая рисуется современными «военными» фильмами и телесериалами, и которая довольно сильно отличается от художественной рефлексии войны в советском кинематографе. Здесь необходимо отметить, что идейный спектр современной кино- и телепродукции о Великой Отечественной широк: от «Штрафбат» и «Сволочей» до «Мы из будущего» и «28 панфиловцев», в силу чего сводить её коммуникативные интенции к негативно-критическим представляется неправомерным. Более корректной будет характеристика месседжа современных «военных» произведений российского кинематографа как плюралистического, показывающего события того времени с разных ценностно-идеологических точек зрения.

В этой связи мнение большинства опрошенных представляется правильным трактовать не как согласие с негативно-критической частью спектра «военного кино», что было бы справедливой оценкой 15-20 лет назад, но скорее, как признание права разных людей на разные оценки и интерпретации военных событий, на «свою

правду о войне», и права новых поколений знать все версии. Собственно, критико-негативное мнение отображает второй вариант, согласно которому события и участников Великой Отечественной войны «наконец-то перестали приукрашивать». Его сторонников оказалось всего 16,5%. И сопоставимое количество, хотя несколько меньшее – 13% – тяготеет к другому идейному полюсу, не приемля чрезмерного, с их точки зрения, плюрализма в таком вопросе. С этой позиции, само наличие противоположного полюса в современном «военном» кинематографе равнозначно тому, что «Война и ее участники изображаются скорее негативно, что подрывает уважение к людям, прошедшим войну» – такая оценка является типичной реакцией на осквернение, профанизацию сакрального. Тем не менее, характерно, что культурная профанизация (в форме искусства кино и ТВ) вызывает у опрошенных меньший протест, чем антикультурная, выраженная в актах открытого вандализма.

Заключение и выводы (Conclusions). Для понимания значения исторического события, каким была Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг., эвристичен современный научный дискурс, описывающий характер

памяти о нем как культурную травму. Согласно культурсоциологической теоретической концепции Дж. Александера, травматические переживания, направляемые в соответствующее ценностное и идейное русло, обладают силой, преобразующей деструктивный эффект свершившихся однажды трагических событий в нравственно высокие состояния и ориентиры. Они расширяют человеческие горизонты сочувствия, сопереживания и взаимопонимания, порождая и утверждая неутилитарные основания социальной идентификации и солидарности. Закреплённая в «почве» рутин повседневности посредством символов и ритуалов коммеморации, позволяющих сопереживать и разделять боль переживших травму людей, историческая память обретает свойства важнейшего духовного ресурса, дающего возможности решать актуальные проблемы и исправлять нарушения коллективного сознания в длительной социальной перспективе.

В этой связи Вторая Мировая и в её рамках – Великая Отечественная война, бывшая исключительно травматичным во всех отношениях событием для народов бывшего СССР и в особенности России, преломленная через призму советской – российской традиции исторической памяти, рассматривается как основание современной российской национальной идентичности, реально солидаризирующее российское общество в XXI столетии. Эта память содержательно наполняет ценности российского патриотизма, формируя через институты социализации устойчивые социальные настроения нравственной и гражданской направленности. Закономерно в этой связи, что именно она стала первостепенным объектом информационных войн, направленных против России в геополитической «игре» новейшего исторического периода.

Как следствие, особую практическую и научную актуальность обретают состояние и динамика умонастроений российского патриотизма и в его контексте – исторической памяти о Великой Отечественной

войне у новых поколений граждан России. Их социальным и культурным авангардом является российское студенчество, а наиболее показательными составляющими представляются молодёжь и студенты приграничных (фронтирных) российских регионов – таких, как Белгородская область с центром, представленным Городом Воинской Славы Белгородом. Предпринятый выше анализ и интерпретация социальных настроений студентов НИУ «БелГУ» в части их исторической памяти, связанной с Великой Отечественной войной, даёт основания для следующих предварительных выводов.

В целом война 1941-1945 гг. продолжает жить в сознании и памяти студентов университета, как социально и персонально значимый исторический факт. 80% опрошенных подтвердили, что память о ней значима для них и их сверстников, для 95% эта память так или иначе интересна; 55% считают, что подвиг в этой войне старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений. Эта память окрашена для них, прежде всего, в семейно-личностные тона воспоминаний и скорби о близких, прошедших эту войну (87% опрошенных). Можно говорить о том, что наиболее глубокий смыслообразующий пласт традиционной для нашего общества исторической памяти о Великой Отечественной войне, связанный с чувствами, эмоциями и базовыми ценностными ориентациями, у студентов ведущего белгородского вуза в целом сохраняется.

Историческая память значительного большинства студентов университета проявляет преемственность в понимании ими ведущей роли нашей страны в Победе над фашистской Германией и её союзниками. В данном ключевом вопросе они не расходятся с официальной российской государственной позицией. Вклад СССР в победу над фашизмом оценивают, как значительный 92% опрошенных; для сравнения, вклад других стран антигитлеровской коалиции оценивается как значительный 21%

(Великобритания и США) и 16% (Франция). Вместе с тем на уровне «нарратива» в представлениях опрошенных выявились расхождения оценок / интерпретаций ряда ключевых для российского самосознания моментов исторической памяти о Великой Отечественной войне, которые сегодня подвергаются активному пересмотру в рамках политики памяти во многих западных странах. Студенты, жестко отстаивающие традиционно патриотические версии, готовы обсуждать альтернативные версии как спорные, и те, кто не определился с позицией, представлены сопоставимыми подгруппами (медианы от 23,5% до 29%). Готовых согласиться с антипатриотическими альтернативными трактовками истории выявилось, по разным вопросам, от 7 до 24%.

Значимым индикатором для оценки социальных настроений в части российского патриотизма представляется также реакция на современные институциональные практики, тесно завязанные на «политику памяти». Среди таких практик могут быть выделены культурные (отображение событий Великой Отечественной войны в кинематографе) и антикультурные (организованный снос памятников и осквернение могил советских воинов-освободителей в ряде зарубежных стран). В отношении актов вандализма решительно-непримиримо настроены порядка 1/3 опрошенных. Плюралистическое, допускающее негативно-критический показ событий, кинематографическое осмысление войны вызывает аналогичное отношение у 13% респондентов. Можно предположить, что в этих вопросах влияние установки «гражданской религии» российского патриотизма в сознании большинства опрошенных встречают субъективное ограничение в виде признания суверенных прав других государств и прав новых поколений на то, чтобы «знать всю правду» о войне.

Список литературы

Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40.

Бийжанова Э. К. Приграничье как объект исследования // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 11. С. 11-22.

Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

Гудков Л. Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 5. С. 12-19.

Зыгмонт А. И. Новая Россия на алтаре Победы // Независимая газета 18 мая 2016 г. URL:

<http://rirsociology.ru/journal/annotation/669/>.

Игнатъев А. А. Синдром вертепа: кризис как перформативный контекст. М.: «Век XX и мир», 2020.

Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007.

Крупкин П. Л. Россия и современность: проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, 2010.

Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в сегодняшней России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35-48.

Малинова О. Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000-2010 гг. // Россия и современный мир. 2015. № 2 (87). С. 6-29.

Саралиева З. Х., Широкалова Г. С., Кузнецов П. И. Учащиеся о Великой Отечественной войне. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015.

Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996.

Халий И. А. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 11. С. 24-33. URL: <http://rirsociology.ru/journal/annotation/669/>.

Шаповалова И. С. Патриотические установки региональной молодежи // Вестник педагогических инноваций. 2016. № 4 (44). С. 47-54.

Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 7-24.

References

Alexander, J. (2012), "Cultural Trauma and Collective Identity", *Sociological Journal*, (3), 5-40. (In Russian).

Biizhanova, E. K. (2014), "Borderland as an object of research", *Bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*, (11), 11-22. (In Russian).

"The war was the day before yesterday ... Russian students about the Great Patriotic War", (2015), in Vishnevsky, Yu. R. (ed.) *Monitoring materials "Modern Russian students about the Great Patriotic War"*, Publishing House Ural University, Yekaterinburg, Russia. (In Russian).

Gudkov, L. D. (1997), "Victory in the war: towards the sociology of one national symbol", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (5), 12-19. (In Russian).

Zygmunt, A. I. (2016), "New Russia on the Altar of Victory", *Nezavisimaya Gazeta*, May 18th, available at: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/669/>. (In Russian).

Ignatiev, A. A. (2020), *Den's Syndrome: Crisis as a Performative Context, Century XX and the world*, Moscow, Russia. (In Russian).

Kara-Murza, S. G. (2007), *Dismantling of the people*, Algorithm, Moscow, Russia. (In Russian).

Krupkin, P. L. (2010), *Russia and the present: problems of combination: The experience of rational comprehension*, Flint, Moscow, Russia. (In Russian).

Krupkin, P. L. and Lebedev, S. D. (2013), "On the sacred foundations of local identities in today's Russia: the experience of structural analysis", *Sociological Journal*, (4), 35-48. (In Russian).

Malinova, O. Yu. (2015), "The Great Patriotic War as a symbolic resource: the evolution of display in the official rhetoric of 2000-2010", *Russia and the modern world*, (2), P. 6-29.

Saraliev, Z. Kh., Shirokalova, G. S. and Kukonkov, P. I. (2015), *Students about the Great Patriotic War*, Publishing House NISOTS, N. Novgorod, Russia. (In Russian).

Toshchenko, Zh. T. and Kharchenko, S.V. (1996), *Social mood*, Academia, Moscow, Russia. (In Russian).

Khali, I. A. (2014), "Contemporary Russian borderland: general characteristics", *Bulletin of the*

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (110), 24-33, available at: <http://rrsociology.ru/journal/annotation/669/>. (In Russian).

Shapovalova, I. S. (2016), "Patriotic attitudes of regional youth", *Bulletin of pedagogical innovations*, (4), 47-54. (In Russian).

Tajfel, H. and Turner, J. C. (1986), "The social identity theory of intergroup behavior", *Psychology of intergroup relations*, Chicago University Press, Chicago, USA, 7-24.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Лебедев Сергей Дмитриевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Рошупкина Наталья Андреевна, магистрант кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шкапенко Алена Андреевна, студент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Sergey D. Lebedev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.

Natalya A. Roshchupkina, Graduate Student, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.

Alena A. Shkapenko, Student, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.